

Дело иеромонаха Иосафа и епископа Домиана

24 сентября Революционным Военным Трибуналом, под председательством тов. Гуцева, слушалось дело иеромонаха Даниловского монастыря Иосафа (Хихловского), обвиняемого в покушении на изнасилование 11-ти летнего мальчика, и епископа переславльского Домиана (Воскресенского), обвиняемого в сокрытии этого преступления, в хранении золотых и серебряных монет и военно-полевого бинокля, а также в обнаружении у него документов (дневника и черновиков проповедей) с явно антисоветским направлением.

Зал заседаний переполнен публикой. Все взоры обращены на жалкую съёжившуюся фигуру иеромонаха и на дородного епископа в клобуке, всё время посматривающего по сторонам.

Показания обвиняемых

Иеромонах Иосаф еле слышным голосом говорит, что виновным себя признаёт. Из дальнейших вопросов, на которые он отвечал односложным «да», «нет», «не помню», выяснилось, что он уроженец Бессарабской губернии, с 17 лет по желанию поступил в монастырь, впоследствии перевёлся во Владимирскую губернию, где около года служил вместе с епископом в Даниловском монастыре. Будучи поваром-специалистом, всё время работал на кухне, но помимо этих обязанностей иногда отправлял богослужение, так как за выслугу лет был допущен к званию иеромонаха (священника). Страдает головными болями, иногда злоупотреблял онанизмом, с женщинами дела не имел.

Почему выбрал именно мальчика, а не взрослого мужчину, женщину или девочку — не знает. На вопрос защиты о том, что бывают ли подобные вещи вообще в монастырях — отвечает «не знаю».

После этого оглашается заключение врачебной экспертизы, из которого видно, что обвиняемый одержим неврастенией и малокровием, душевными же болезнями не страдает и не страдал.

Епископ Домиан воспитание получал в Курской духовной семинарии и Петроградской академии, служил преподавателем, смотрителем, а потом ректором Смоленской духовной семинарии, наконец епископом Переславльского уезда.

Предъявленное ему обвинение отрицает и говорит, что когда до него дошёл слух о преступлении — он реагировал на это, как подобает настоятелю монастыря. Вызвав Иосафа, он указал ему на всю гнусность такого преступления и взял с него слово, что в будущем он не допустит подобных вещей. Впоследствии, когда Иосаф находился в ходу с иконами — в монастырь явился представитель милиции для допроса, и тут же Домиан решил принять административные меры. С этой целью им было приказано написать бумагу в епархиальный совет и судом этого совета Иосаф был лишён права священствовать, благословлять и носить крест.

На вопрос Трибунала: почему он не уведомил о преступлении гражданские власти — Домиан отвечает, что в этом не было необходимости, так как они уже знали. Со своей стороны он не мешал делу, не имел беседы ни с о. Николаем, ни с самим мальчиком, чтобы путём угроз или увещаний не заставить их замять дело.

Что же касается золотых и серебряных монет и бинокля — то о декрете, запрещающем их хранение — не знал. Бинокль является собственностью монастыря; во время бывших раньше обысков на него никто не обращал внимания.

**Шахназаров, Ив.* Дело иеромонаха Иосафа и епископа Домиана / *Ив. Шахназаров // Призыв.* — 1920. — 28 сентября (№ 59/211). — С. 1–2.

Относительно обвинения в произнесении проповедей с антисоветским содержанием (протест против отделения церкви от государства и удаления икон из школ), а также в обнаружении дневника, где есть указания на контрреволюционное настроение — говорит, что от своих мыслей отказываться не может и не будет. Дневник — есть мысли вслух, интимный друг человека и для опубликования не предназначается. Чтобы он в нём ни говорил — это показателем виновности служить не может.

В это время оглашаются выдержки из дневника, в которых ярко выступает его страстное желание возврата старого строя. Он радуется малейшей нашей неудаче на фронте, он уже во сне видит приход на станцию белых и, просыпаясь, говорит: «Эх, если бы наяву это было». Затем ему было видение: чёрный козёл прибежал в алтарь и разбросал там всё находящееся; появившийся же белый козёл привёл в прежний порядок и так далее и так далее (выдержки из дневника будут опубликованы отдельно).

Объясняя некоторые места в дневнике, Домиан говорит, что он отмечал события, как летописец, а что же касается козлов — то это народная легенда, которую он счёл нужным записать.

Затем Трибунал, путём ряда вопросов, выясняет положение епископа в материальном отношении. Всего церквей в его епархии 160—180, причём перемещение священников зависит от него. Некоторые из последних приезжали в город и кое-что ему привозили из продуктов. Было даже воззвание, чтобы сельское духовенство помогло городскому. Со стороны прихожан тоже были приношения, чем он только и питался. Приносили яйца, молоко, масло, сахар и так далее, что, по его мнению, служило показателем расположения, усердия и даже любви прихожан.

Снова оглашаются выдержки из дневника, посвящённые «хлебу насущному». В этих выдержках только одно желание — как бы плотнее покушать. Служит он где-либо обедню и думает: чем его угостят? Дома, например, икра щучья и даже солёная — как бы, значит, поскорей кончить службу и бежать домой. Кто-то ему прислал 15 тысяч в запечатанном конверте — «маловато» — говорит и так далее.

На вопросы, почему обвиняемый в дневнике называет большевиков насильниками и ворами — Домиан говорит, что всякая власть есть насилие. Насилие советской власти, по его мнению, проявляется в уплотнении квартир, переселении, обысках и прочем. Раньше также были обличительные проповеди против власти на местах, хотя он таких проповедей не произносил. Что же касается названия большевиков ворами, то это название историческое и позорного ничего в себе не имеет. Возьмите хотя бы слова «Тушинский вор» — царь, находящийся в Тушине, назывался вором.

Показания свидетелей

Серафим Журавлёв, 11 лет, говорит, что после смерти матери он проживал у бабушки, которая и посоветовала ему поступить в монастырь, что он и сделал. Жил он в келье у о. Николая, услуживал ему, причём последний с ним занимался и давал читать псалтирь. Потом стал работать на кухне, чистил картошку, мыл посуду и вообще помогал Иосафу. Однажды вечером, когда уже нужно было идти домой, Иосаф стал просить, чтобы он остался у него ночевать, на что Журавлёв и согласился. Когда пришли в келью, Иосаф раскрыл книгу, в которой лежала кредитка в 250 р. Мальчик стал просить обменять имеющиеся у него мелкие деньги на эту кредитку, на что и получил ответ: «Возьми её лучше так». Затем Иосаф дал ещё 16 рублей.

Помолившись Богу, легли спать. Ночью Иосаф начал гладить руками мальчика и уже хотел приступить к исполнению своего замысла, но в это время мальчик испугался и убежал в келью к о. Николаю, которому и рассказал о случившемся. Последний написал соответствующее заявление.

Речи обвинителей

Тов. Седов говорит, что русское православное духовенство всегда было тесно связано с классом буржуазии, с классом угнетателей трудящихся. В руках Николая Романова и его чиновников оно служило послушным орудием для затемнения сознания масс, для одурачивания

и запугивания их адом, загробной жизнью и прочим. Духовенство всегда вело подлую игру, оно проповедовало необходимость защиты веры, царя и отечества, оно говорило массам о необходимости терпения, подчинения и так далее. В империалистическую войну духовенство с крестом в руках благословляло убийство рабочих и крестьян ради интересов капитала, а когда рабочие и крестьяне восставали против существующих порядков — оно снова с крестом в руках призывало к смирению.

Как только совершилась революция, духовенство первое приняло участие в контр-революционных выступлениях; на золото, скопившееся в монастырях, оно организовывало и вооружало белые отряды. Оно всеми силами старалось сорвать революцию, свергнуть рабоче-крестьянское правительство и снова загнать народ в кабалу. «*Всякая власть от Бога*», — говорило оно раньше. Но теперь оказалось, что только та власть от Бога, которая помогала духовенству набивать карманы. Советская власть не допускала этого — и поэтому она была не от Бога и её нужно было уничтожить.

Касаясь обвиняемого Воскресенского, т. Седов продолжает: обвиняемый рисует себя святителем, проповедует рай на небе, терпение на земле, он предлагает поститься и так далее — а сам в это время способен каждый день обжираться. Он говорит, что нужно терпеть, молиться, делать угодные дела — сам же способен сделать что угодно, вкусно покусать, взять взятку, прилично нарядиться и так далее. На словах он стоит на точке зрения справедливости к народу, а на деле оказывается совершенно обратное. В момент величайшей экономической разрухи, когда 1 мая рабочие и крестьяне вышли на субботник, чтобы коллективным трудом помочь выйти из тяжёлого положения — он определённо заявил — «*вот бы им ливня*». Выдержки из дневника говорят, что в действительности он есть не «святитель», каким рисуется, а самый злейший враг трудового народа. Он даже во сне мечтает о белых, радуется падению Чернигова, говорит в дневнике «*Кронштадт занят*», «*дела воров-коммунистов плохи*» и так далее. Своей солидарности с союзным империализмом и русской белогвардейщиной обвиняемый и сам не отрицает.

Трудящиеся массы должны реагировать и в лице своего революционного органа правосудия вынести определённый приговор, который должен применить к обвиняемому высшую меру наказания.

Речи защитников

Защитник Иосафа, т. Шумилин виною преступления признаёт окружавшие обвиняемого условия и просит у Трибунала снисхождения, которое, по его мнению, принесёт более пользы. В случае его наказания — он в глазах народа будет «мучеником» и к нему отовсюду будут стекаться паломники. В противном же случае он явится средством самой лучшей агитации против предрассудков. Если Иосаф, на котором благодать божия почивает — совершал тяжёлое преступление и бог его не наказал — невольно появится сомнение в существовании бога и прочее.

Защитник епископа Домиана главным образом указывал, что мысли в дневнике и проповедях не высказывались вслух и так далее.

Заключительное слово обвиняемых

Всё, что мог Хихловский сказать в заключение — это «*прошу снисхождения*».

Воскресенский же говорил более подробно. Он сказал, что не один раз отмечал добрые веяния, которые несёт власть коммунистов, нравятся ему трудовой принцип в школах и всеобщности. В принципе приветствует декрет об отделении церкви от государства, но не одобряет тех способов, которыми он проводится в жизнь.

В заключение он восклицает: «*вверяю себя промыслу божию и русскому народному суду*».

Приговор

Рассмотрев дело, Трибунал приговорил: обвиняемого Иосафа (Хихловского) за покушение на изнасилование 11-ти летнего мальчика лишить свободы с заключением в лагерь с обязательными принудительными работами сроком на 6-ть месяцев.

Обвиняемого епископа Домиана за хранение и произнесение проповедей с явно контр-революционным содержанием, а главным образом за открыто выраженное настроение против рабоче-крестьянской власти — подвергнуть лишению свободы с заключением в тюрьме на всё время гражданской войны.

К обвиняемому Домиану применить самый суровый карательный режим и обязательные принудительные работы в стенах тюрьмы. Запретить всякие свидания и пусть этот упитанный пастырь в труде познает правду, ибо карательная система в отношении его отнюдь не может применять каких-бы то ни было воспитательных приёмов.